

I.

13 мая 1926 года, в слякотный, ненастный день, какие в питающемся вообще суррогатами Берлине составляют суррогат лета, этот молодой человек оказался в спальне тайного советника Тице и его супруги, в одиннадцать часов вечера, самым непостижимым и неприличным образом.

Выпив вечерний кофе, Тице уже собирались ко сну, и господин Тице даже снял свой шлафрок и стал отстегивать вышитые фрау Амалией подтяжки, как вдруг в камине раздался треск и там очутился этот остроносый молодой человек в хитоне небесного цвета и с голыми руками. При нем не было никакого летательного аппарата — он свалился просто так, один. На его голове блеснул обруч из какого-то синего металла, в котором ярко отражались лучи висевшей на потолке спальни двадцатипятисвечной лампочки. Фрау Амалия Тиц взвизгнула и поспешно скрылась за занавеску супружеского алькова, но тайный советник не испугался и двинулся на незваного гостя с тем строгим и непреклонным взглядом, которым привык обдавать в рейхсгерихте обвиняемых.

— Кто вы, милостивый государь? И что вы делаете в моем камине в такой поздний час?

Но остроносый юноша не понял ничего, как будто ему говорили по-китайски, а не по-немецки. Он смотрел на герра Тице совершенно растерянным взглядом своих не то голубых, не то зеленых, на выкате, рыбьих, безбровых глаз. Затем, выйдя из камина, он сделал по комнате несколько высоких прыжков, похожих па скачки блохи, и опустился на кушетку у двери. Но он не сел и не лег на нее. Из своего человеческого тела он в одно мгновение сделал какой-то непостижимый узел. Ноги и руки завязались над головой. Она смотрела на члена рейхсгерихта. Губы ее раскрылись. Из них вылетело несколько мелодичных, членораздельных звуков, так же непонятных тайному советнику, как пришьельцу немецкая речь. Тице бросился к телефону.

Когда через полчаса наряд полиции под командою жандармского поручика Люцова явился в квартиру, голова под связанными конечностями спокойно спала. Веки были закрыты и из ноздрей вырывался тоненький, самый обыкновенный храп. Господин Тице и его супруга глядели на спящего. Принялись его рассматривать и шестеро шуцманов, пока хозяин квартиры делал о его появлении поручику обстоятельный и методичный доклад.

— Ни малейшей растительности — ни волос, ни бровей, ни ресниц. Остроконечный, очень развитой череп. Сплетенные над ним конечности, обнаженные среди небесного хитона, вызвали возмущение одного из шуцманов:

— Да это обезьяна!

Действительно, гость был четвероруким, но спящее, матово-бледное лицо с острыми чертами не имело ничего общего с грубым обликом гориллы или шимпанзе. Напротив, оно было очень тонко, словно выточено из слоновой кости. У него был только профиль, как у фигурки, вырезанной — из бумаги, или у рисунка человеческого лица, сделанного на бритве. Этот профиль был очень заостренный — острый нос, отнюдь не крючковатый, а такой, какие назывались римскими, и такой же подбородок. Уродливо это не было, только необычно, как вся нечеловеческая поза спящего.

— Я прошу вас, господни поручик, избавить мою квартиру от этого... индивидуума, вторгшегося в нее в такой поздний час! — закончил тайный советник свое сообщение. Поручик Люцов ответил:

— Надо его разбудить.

И протянул к спящему руку, чтобы взять его за шиворот, но моментально отлетел, ошеломленный, в самый отдаленный угол комнаты, чуть не разрушив один из столбов темно-красной занавески супружеского алькова.

Видя поражение своего начальства, мужественные шуцманы, не ожидая даже приказа, дружно двинулись на спящий узел. Но через секунду вся комната была полна разбросанных, перепуганных, ползущих людей, из коих двое выбирались из-под плюшевой скатерти опрокинутого стола, с осколками приготовленного на ночь кофе с закусками. Там же, среди бутербродов, барахталась и сшибленная упавшими фрау Амалия.

Сам Тице один остался на ногах. Он протянул, в свою очередь, руку к кушетке, но осторожно, с вытянутым пальцем, и поспешно отскочил.

— Чорт возьми! Да это электрический угорь!

Тайный советник схватил свою деревянную трость, предусмотрительно повернув к себе ее металлический оконечник. Но и трость, которую он собрался нанести спящему вполне достаточный для его пробуждения удар, переломилась на — двое в его руке, наткнувшись на какое-то твердое, незримое препятствие, будто на камень. Вокруг спящего была плотная, неприступная атмосфера.

— Стреляйте в него, поручик, стреляйте! — завопил Тице.

— Как? В спящего? — удивился поручик. — Но он не сделал еще ничего, оправдывающего такую расправу.

— А сопротивление полиции? А ваши люди?

— Они все целы.

Все шестеро шуцманов, с фрау Амалией, боязливо жались к двери, не решаясь подходить близко к страшной кушетке, откуда по-прежнему слышался тонкий, невозмутимый храп.

— Ах, моя Мими! — вдруг воскликнула фрау Амалия. — Бедное животное!

Белая ангорская кошечка была там, под кушеткой, в самой глубине, и вся фосфоресцировала, что было видно, так как под кушеткой было темно. Она судорожно вздрагивала и не отзывалась на зов. Все волосы на ней стояли дыбом.

— Стреляйте! Стреляйте в убийцу! — вскричала фрау Амалия не своим голосом.

— А вы уверены, достопочтенная госпожа, что наши пули не отскочат в нас же самих? — осведомился поручик. Когда имеешь дело с непонятным явлением, надо быть очень осторожным.

— Но он убил мою Мими! Это сам дьявол!

— Сомневаюсь. В мире нет ничего чудесного, т. е. противоречащего законам природы, но эти законы нам еще почти совсем неизвестны. Поэтому это электрическое существо не может быть подвергнуто чрезмерной репрессии со стороны моего отряда ни по закону, ни по простой осмотрительности. Может быть, когда оно проснется, то всех нас сотрет с лица

земли.

Поручик окончил два факультета Мюнхенского университета и был, как видно, силен в философии. Но фрау Амалия не хотела о ней и слышать.

— Фриц, что же ты молчишь? Да, ведь, это ужасно! Пошли спокойно спать, — и вдруг такое чудовище в камине! И полиция ничего не может поделать. Ах, бьет половина второго. Я еще никогда, никогда не ложились так поздно.

— Позвольте узнать, поручик, принадлежит ли еще моя квартира мне, как доброму гражданину германской республики, или этому узлу? Тогда мы с женой отправимся и гостиницу, — со сдержанным негодованием произнес тайный советник.

Тут остроносый шевельнулся и открыл глаза.

Как бы это ни задевало чести берлинской полиции, мы должны сознаться, что ученый поручик опрометью бросился вон, а за ним и весь его отряд. Фрау Амалия с криком забилась под постель. Один тайный советник остался неподвижно на месте — проявив ли совсем неожиданное мужество и хладнокровие, или прикованный острым взором глаз на выкате, как чарами удава. Но гость не обнаруживал никаких враждебных намерений. Опустив конечности по-человечески, он заговорил что-то по-прежнему мелодичное и непонятное и ласково улыбнулся герру Тице, как бы желая его успокоить и расположить к себе. Потом он двинулся к нему через комнату. Фрау Амалия, высунувшая было голову, так и осталась с раскрытым ртом: гость шел не по полу, а на несколько сантиметров выше, но передвигал ногами в воздухе, как при ходьбе. Осколки и все, что попадалось на полу под эти, не касающиеся его, ноги, сметало, как ветром.

— Вокруг него, очевидно, плотная атмосфера. Он и стал на ней, — догадывался Тице, вспомнив о сломавшейся палке. Он не знал, как приготовиться к обороне, но голубовато-зеленые глаза странного гостя были так мягки, и так мягко звучала его непонятная речь, что даже фрау Амалия совсем ободрилась, тем более, что ожившая кошка уже ластилась у ее ног.

— Вильгельм, но бойся. Он добрый. Он не сделает тебе никакого вреда.

Тайный советник протянул свою честную, бюргерскую руку. Гость согнул колени, по-прежнему в воздухе, не касаясь земли, и, протянув над головою два верхних соединенных указательных пальца, почтительно коснулся их копчиками плеча тайного советника. Тице понял, что мир заключен.

Раздался звонок телефона.

— Ваше превосходительство, это я, поручик фон Люцов. Наши силы были недостаточны... Прикажите выслать более значительный отряд?

— Чорт бы вас побрал, глубокоуважаемый господин поручик. Вы удрали с вашими шуцманами, оставив меня в безвыходном положении. Очень бы мне помог ваш телефон... Но теперь не беспокойтесь: все благополучно.

II.

Едва ли переход от крайнего негодования к такому добродушию имел у супругов Тице вполне добровольный характер, едва ли они радостно и любезно подчинились тому, что неведомое остроносое существо поселилось в их квартире. Но что прикажете делать? Неблагодарно было ссориться с тем, кто сильнее не только их, но, пожалуй, всей берлинской полиции, и, чего доброго, может моментально открыть такие военные действия, после которых ее приход будет господину Тице навеки безразличен. Мирлобивого настроения пришельца изменять не следовало. Да и любопытно было, что это за неслыханный вид человека или животного. Нет, человека! Вся повадка у него была человеческая, и господин Тице с каждым днем все больше убеждался в его разуме. Только никакой цирковой каучуковый человек, никакой акробат с изломанными костями не мог сделать из своего тела такие узлы и другие фигуры, как этот четверорукий. Господин Тице поместил его в одной из двух людских, так что кухарка Лотта спала на кухне. Когда ему предложили есть, он сперва не понял, а затем вытащил из-под своей голубой хламиды

какую-то маленькую спираль и, надев ее в виде намордника, мгновенно втянул в себя суп, курицу, крем и кофе, так что на тарелках остались какие-то волокна и водянистая жидкость. Получилась тут и ошибка: гость стал втягивать содержимое горчичницы, перечницы, уксусницы и солонки, но с резкою гримасою обрызгал из спирали всем этим стену, только что оклеенную новыми белыми обоями. Приборов вроде этой спирали у него было несколько — все маленькие, спрятанные, по-видимому, во внутренних карманах хламиды. Он рассматривал с крайним любопытством все вокруг и старался как-нибудь понять язык окружающих. Из участка, конечно, пришли на другое же утро и, узнав, что он никого не трогал, и не решаясь его тронуть, предоставили дальнейшее ходу вещей, а пока записали его в качестве немеющего документов неизвестного иностранца. На буквы, выходявшие из-под пера полицейского чиновника, незнакомец воззрился с крайним интересом. Господни Тице попробовал передать ему их смысл; гость понял это с самой быстрой сообразительностью. Тогда господни Тице принес ему азбуку и несколько книг, а фрау Амалия и Лотта с Миной стали показывать на разные предметы в комнате и картинках, говоря их названия. Этот метод оказался удачным. Незнакомец начал воспринимать немецкую речь. Всю эту первую неделю никто не являлся в квартиру с непрошенным любопытством и в газетах не появилось ничего. В участке далеко не были заинтересованы в сообщении печати той роли, которую сыграла полиция при первом знакомстве с неведомым гостем, а из квартиры он не выходил и никому не показывался. Когда стало возможно с ним объясниться до некоторой степени, то, конечно, первыми вопросами хозяев были вопросы о том, кто он, откуда как к ним попал. Ответы получались весьма неясные и неполные — отчасти из — за недостатка слов, отчасти из-за того, что самые понятия, которые старался передать этими непослушными, неподходящими словами пришелец, были совсем непостижимы и необычны для обитателей квартиры тайного советника.

По словам незнакомца, его зовут Муни. Откуда он? Этого он сказать не может. Он не может даже определить, является ли планета, на которой он обитал несколько дней тому назад, этой нашей Землей, или он прилетел из другого мира, через колоссальное пространство. Ему скорее кажется, будто это та же Земля, так как тут такой же воздух, только очень нечистый и тяжелый, и люди похожи на его единоплеменников. Впрочем, он, ведь, не знает пока, каков этот мир, куда он попал и где не решатся сделать шагу из опасения новой катастрофы. А катастрофа его настигла страшная. Он мирно отправился со своей подругой и ее ребенком полегать между соседних планет до отхода ко сну, когда это невинное развлечение было прервано каким-то... тут тайный советник не мог разобрать, идет ли речь о внешнем катаклизме или порче аппарата... Словом, Муни был подхвачен шквалом или взрывом и спасся лишь, благодаря окутывающей его непроницаемой атмосфере. Его носило и швыряло со скоростью, во много раз превосходящей скорость света, он потерял всякую способность ориентироваться, но был невредим, как цыпленок в неразбитом яйце.

В камине раздался треск и оттуда вылетел остроносый молодой человек в хитоне небесного цвета.

Это яйцо атмосферы в безвоздушном пространстве, нераспадающееся, концентрированное, предохраняло его и давало спокойно дышать... Да, ведь, иначе и нельзя было бы прокатиться даже до ближайшей звезды, — с наивной улыбкой, пояснил Муни на недоумение слушателей. Но его подруга и дочь исчезли, и он заблудился и не знает, сколько времени носило его таким образом. Не осталось ничего другого, как снизиться куда попало. Это удалось — далеко не без труда. Мешали не то циклон, не то порча аппарата... Эти слова «циклон», «аппарат», очевидно, совсем не передавали мысли Муни и относились к понятиям, лежавшим вне сферы разумения господина Тице. Словом, Муни пролетел в какое-то узкое черное отверстие, по-видимому, в трубу, как ведьма на помеле, и оказался в спальне тайного советника. Вот почему он не может определить, находится ли он в своем прежнем мире. Регулятор, возвращавший его из путешествий домой, мог испортиться во время катастрофы. Но нормально Муни должен был бы вернуться к себе и, может быть, этот дом на Берлинерштрассе стоит именно там, где он жил. Ведь, сколько прошло времени? Может быть, миллион лет. Или... или время для него отлетело назад, и он, человек, явившийся на свет, может быть, через миллионы лет после господина Тице, отброшен теперь назад, в неведомую эпоху. Тут-Муни опять обнаруживал совсем не то представление о времени, которое является обычным для людей XX века. Неизвестно, понял ли бы его даже сам Эйнштейн. Он говорил о возможности перемещаться во времени так же, как и о том, как отправился с женой и дочкой немножко прогуляться к Юпитеру или Сириусу. Прошлое, настоящее и

будущее как будто не были в его представлении отдельными фазами, а лишь состояниями, существующими для данного существа и могущими для него быть измененными. Как для всего этого не хватало слов! Муни скоро научился разбираться во всей библиотеке тайного советника, хотя, по его словам, самое чтение и письмо были на его родине заменены передачею воли разной скорости и обращены к слуху, а не к зрению. Но метод чтения был им постигнут быстро, как и метод еды и питья, вместо того, чтобы просто вбирать в свой организм нужные элементы, не отягощая его ненужными. Муни был вообще очень восприимчив и объяснял тайному советнику, что, путешествуя среди различных планет, видел такие разнообразные существа и такие различные жизни, что понять эту для него не трудно. Здесь похожие на него существа, только не умеющие ничего устроить, не владеющие ни окружающими их силами природы, ни даже собственным телом.

Отчего, например, не прочистить этот воздух, полный таких отвратительных испарений? Отчего его хозяева не создают себе даже собственной атмосферы? Им, по — видимому, неведомы даже излучения их тела и многие его способности, как, например, электрическая, у них вовсе не развиты. Словом, «электричество» Муни пользовался также за неимением лучшего и постоянно при этом говорил два или три других на своем языке, с видимой досадой, что не может даже дать о них приблизительного понятия. В его представлении видимое тело человека или животного было лишь ядром или осью, вокруг которой находится целое колесо: флюиды, химические волны, все, что может концентрироваться волею человека и передавать ее на расстояние. Муни без труда останавливал так стрелку стальных часов или приводил кошку в каталепсию. Тело таит неограниченные возможности и подлежит постоянному усовершенствованию из поколения в поколение, как садовод совершенствует цветы или плоды. Тице понял, что если можно достичь усовершенствованного экземпляра скаковой лошади или тюльпана, то также можно усовершенствовать и человеческий организм. Так, в мире Муни, люди, знающие прекрасно свое тело, управляют его химическими излучениями, электрической, магнетической и другими неведомыми нам энергиями, смотри на них, как на свои органы, совсем так же, как мы на свои руки и ноги, или как электрический угорь на свою силу. Тело их получило крайнюю гибкость и твердость. Атмосфера, окружающая каждого, непроницаема. Существует ли в этом мире смерть? При этом вопросе лицо Муни омрачилось. Это слово он понял. Да, его единоплеменники живут очень, очень много смен света и мрака, очень много откладывают времени про запас и потом экономно расходуют, но все же наступает пора, когда и их организм изнашивается, как они подновляют и ни защищают его. Тогда они сами возвращают воздуху свои составные элементы и перестают существовать. Смерть происходит лишь по воле человека.

В одно мгновение из своего тела он сделал непостижимый узел... Уродливо, это не было, только необычно.

— Но, если он не захочет самоубийства? — спросил Тице.

— Как же он может не захотеть? — не понял Муни. — Ведь, он иначе постепенно распадется на волокна и на влагу. Это же мучительно. Если наступает... гм... как бы это сказать?.. время боли, усталости...

— Апатии к жизни? Дряхлости?

— Я не совсем вас понимаю, но, по-видимому, мы говорим про одно и то же. Словом, тогда надо кончить. Этого могут не понять только не разумные животные. Тех, конечно, приходится разлагать.

— А у вас животные неразумны?

— Нам невыгодно делать их иными. Они должны служить нам. Вот у вас ваши слуги, по-моему, слишком мало отличаются от пав развития. Это почти такие же существа, как вы. У нас не так: у нас целая лестница видов. Даже четверорукие разделены по своим способностям, выработанным долгими, долгими...

— Веками? Тысячелетиями?

— Гм... почти. Когда вы говорите о том, что называете временем, то очень трудно понимать. Словом, у нас есть всемогущие, обладающие такими организмами, перед которыми мой ничто, и сеть четверорукие, у которых искусственно понижен разум и другие способности, чтобы они могли удовлетворяться служением нам и черной работой.

— Как? Люди?

— Да, четверорукие. Для разных надобностей общества, разных занятий...

— Специальностей?

— Вот. Для разных специальностей вырабатываются и разные виды. Вы спрашивали о человеке и животных. Он и они не противостоят друг другу, как вы и ваша кошка. Есть виды четвероруких от наиболее культивированных, усовершенствованных, до наиболее низких, и виды животных, из коих разум некоторых доведен до степени, превышающей разум низших видов четвероруких. Для счастья всех пород надо, чтобы потребности каждой были удовлетворяемы, и чтобы ни одна не имела потребностей, которых не может удовлетворить. Поэтому есть такие виды, для которых излишне зрение или отвлеченное мышление, или чувство красоты, так все это вместе, но нужно для подземных четвероруких, и поэтому у них

уничтожено, но зато им придан громадный желудок, усердно наполняемый.

— А зачем у вас есть подземные люди?

— Нас слишком много для планеты, подходящих для нашей жизни.

— Да, ведь, вы живете слишком долго.

— И потом надо же организовывать всю внутренность планеты. Иначе нельзя поддерживать на ней ровную температуру, и получится то, что в ваших книгах называется морозом и жаром, снегом и дождем — и другими неприятностями.

— Но, ведь, вы охранены от всего этого вашей личной атмосферой?

— А все наши сооружения? А низшие виды? А животные и растения? Не жить же нам в клетках, как вы.

— Так у вас нет домов?

— У нас есть переносные обитатели. Видите ли, основное различие вашей жизни от нашей в том, что вы все создаете надолго, а у нас все мгновенно делается и расплывается. Вместо ваших огромных машин и зданий — у нас карманные приборы, в которых сконцентрирована нужная энергия.

— Конечно, в дозах, для нас непостижимых, невероятно превышающих мощность наших машин?

— Да, для наших полетов, для создания непроницаемой атмосферы, для мгновенного выращивания леса или цветника, для конденсации солнечных выделений нужны лишь такие приборчики. Иногда их, конечно, требуется несколько десятков, если работа охватывает значительный район. Если нам нужна ограда для собрания, научных исследований, общественных увеселений, то мы мгновенно создаем все нужное и затем возвращаем в элементы воздуха. Но помещения нам нужны меньше всего. Чистый воздух, ровная температура, словом, победа над стихиями позволяет нам жить под открытым небом.

— Но это же скучно — не иметь своего угла! Есть же личная, интимная жизнь, потребность уединиться.

— А на что же сгущение воздуха? Вот...

Гость чем-то щелкнул, и в одно мгновение его окутало облако, как эллинского бога, или как воина, огражденного газовой завесой.

— Видите, вот и наш дом — слышалось оттуда. — Он так же быстро исчезает, как и строится.

Перед Тице снова был улыбающийся острый профиль.

— Нет, я так бы не мог, — вздохнул тайный советник. — Мы привыкли к домашнему уюту. И неужели в вашем облаке есть достаточный комфорт? Ну, вот, например, разве вам плохо спать так?

Он любезно указал на предоставленную гостю постель с периной и пуховыми подушками.

— Если бы мы так вытягивали наше тело во время сна как вы, и допускали в мозгу дикий процесс, называемый у вас сновидениями, то жили бы немногим дольше вас. — ответил Муни. — Может ли быть что-нибудь ужаснее, чем разумное существо, безвольно подчиняющееся бреду? Сон — абсолютный покой, обновление сил организма. Для него надо привести тело в состояние, настолько бессознательное, чтобы было безразлично, находится ли оно на мягком или на жестком основании.

— Ну, а когда вы заболеваете?

— При нашем воздухе и усовершенствованном теле возможна только изнашиваемость частей.

Второстепенные заменяются, но есть такие, которых заменить нельзя. Если они получают важное повреждение, то остается вернуть свои элементы воздуху.

— И так, больные и калеки у вас не хотят жить?

— Зачем? Ведь, они были бы несчастны. Жизнь возможна лишь, при абсолютном довольстве. Я, признаться, не могу понять, знакомясь с жизнью ваших двуногих из книг и ваших рассказов, как почти все не кончают жизни, которою так мало удовлетворены.

Неужели их пугает ничто, в котором нет сознания.

— Итак, у вас все счастливы? Никто ничего не хочет, кроме того, что досталось ему на долю?

— Если он испытывает неудовлетворенное желание, то уничтожает его в себе... Гм... как бы это выразить... ну, анестезируя, что ли, соответствующие фибры своего мозга или нервов. Мы все знаем, что счастье человека не в окружающем, а в том, как он к этому окружающему относится.

— Это, конечно, высшая мудрость. Так учат и древние, и наши философы. Но если на такого философа свалится кирпич...

— Вы забываете, что у нас такие случайности невозможны.

— Однако, вот вы претерпели же катастрофу, потеряли подругу и ребенка. И вы, вероятно, не первый. Неужели теперь вам не больно? Но тяжело без них? Вы за них не тревожитесь? Не тоскуете?

— В этой нашей бездомной жизни мы не знаем того, что вы называете любовью, привязанностью, даже привычкой, — ответил Муни. — Переносясь в пространстве, меняя время, мы, как капли океана, сливаемся и расстаемся.

— Как я вас жалею!

— Да, конечно, это лишает нас того, что вы называете страстями. Но, скажите, вы их много испытали?

Тайный советник стыдливо потупил глаза.

— Не особенно. Я вел очень уравновешенную жизнь. Но все же в молодости...

— Чего же больше они доставили вам: радостей или страданий?

— Остались воспоминания.

— Ну, эта рухлядь остается и нам.

— Не в том дело. Я все же настаиваю, что если и для вас возможны катастрофы, то ваше счастье зависит не от одного внутреннего довольства. Такой толчок, который случился с вами и выкинул вас из всех орбит, мог, помимо вашей воли и вашей философии, испортить, ваше настроение.

— Если бы он его испортил достаточно, вы бы меня не видели. Меня бы не было больше.

Как жаль, что этого не случилось! — подумал господин Тице, но, конечно, он не сказал ничего подобного и с самой любезной улыбкой продолжал со своим гостем философскую дискуссию.

III.

Первой каплей разразившегося ливня было появление репортера «Берлинской Недели» с взлохмаченными висками и пестрым галстуком. Лотта и Мина, очевидно, наговорили на базаре лишнего — пошла молва. Тице, с самой сановной неприступностью, удалил репортера, но это не помогло: на другой день явились три других, а в «Берлинской Неделе» все-таки появилось сообщение, что в квартиру члена рейхсгерихта Тице проникла через камин необыкновенная обезьяна, которую Тице обучает человеческой речи. Затем пошли звонки в телефон. Виновник всей этой сенсации по-прежнему вел себя тихо и не выходил никуда. Он сознавал все неудобства нестись на метр от земли по берлинской улице, а без своей сгущенной атмосферы выходить он боялся: так он был бы совсем беззащитным. Да и современная одежда представляла для него много трудности и неудобств. Словом, он сидел смиренно и лишь Тице приходилось приносить ему из центральной библиотеки все новые и новые книги. Но несносные, люди вмешались в то, что их совсем не касалось, и своей назойливостью превратили квартиру Тице в какую-то осаждаемую кунсткамеру.

Чем строже Тице скрывал своего гостя, тем больше репортеры стремились его увидеть. Мине был отдан приказ никому не открывать без опроса, но за дверью кухни послышался неистовый стук и крики: Пожар! — А когда прислуга выскочила, то ворвался тот самый,

первый репортер, и в одно мгновение оказался с кодаком в людской. Так была добыта фотография Муни. Другой репортер проник в виде молочницы. Зашевелилась и полиция. Из уважения к тайному советнику его, конечно, никуда не вызывали, но сам полковник Дейчке явился к нему.

— Ваше превосходительство, извините мой визит, но в газетах пишут такие вещи...

— Да, я, конечно, понимаю, что вы должны быть информированы. Все это мне очень надоело и совершенно не соответствует моему служебному положению. Вчера у меня с председателем был совсем неприятный разговор.

— Но тогда, ваше превосходительство, что же побуждает вас держать у себя такое странное существо?

Тице с раздражением развел руками.

— Что побуждает? Да что я могу вам ответить? Быть может, он слышит нас через всю квартиру посредством одного из своих дьявольских приборов. Как же я могу его удалить? Вы, конечно, осведомлены, чем кончилась попытка полиции.

— Но вам предлагали большой отряд.

— А если бы он тогда снес весь дом с лица земли?

— Тогда можно еще...

— Нет, уж пожалуйста. Я совсем не хочу рисковать. Мы — друзья с моим глубокоуважаемым гостем, и он сделает мне честь остаться у меня, сколько захочет.

Полковник сдержанно улыбнулся, видя боязливое выражение глаз гостеприимного хозяина, и поспешил сказать:

— О, я вас понимаю. Но только разрешите мне все же сказать, что с точки зрения городского благоустройства...

— При чем тут городское благоустройство? Он не делает никакого вреда.

— Но может его сделать в любой момент. И притом известные вам обязательные постановления строго воспрещают держать в квартире домашних животных, кроме собак, кошек и птиц в клетках, без специального разрешения. А ваша обезьяна...

— Как обезьяна? Газеты наврали.

— Но он же четверорукий.

— Да он говорит, читает...

— И все-таки он может быть нами зарегистрирован лишь, как ученая обезьяна. Вам следует взять разрешение и внести налоги.

— Да его уж зарегистрировали, как человека.

— И за это моим подчиненным сделано строгое замечание. Ведь, если мы согласимся на это, то затруднения станут непреодолимыми. Откуда он? Где его въездная виза?

— Свалился с неба.

— Согласитесь, также невозможно заполнить графу его листка. Если на нашу территорию падает летчик, пролетавший без разрешения, то его арестуют. Нет уж извольте записать его обезьяною; так будет гораздо удобнее.

— Господин полковник, вы с таким формализмом совсем не можете подойти к маломальски необыкновенному явлению.

— Необыкновенные явления нарушают порядок. Об этом я с вами и говорю. Все в жизни города должно соответствовать обязательным постановлениям. Но можно мне взглянуть на вашего шимпанзе?

— Как вам угодно.

Муни как раз был связан в узел для сна, так что полковник сразу поморщился с неприязненным удивлением. Он протянул руку, но Тице поспешил ему напомнить об электрическом ударе. Впрочем, Муни еще не спал и любезно приветствовал посетителя пожеланием «доброго вечера».

— Видите, какой акцент, ваше превосходительство. Несомненный иностранец.

— Я сам не знаю, почтенный брат, — ответил Муни, — откуда я: с вашей ли планеты или с другой? Явился ли я из незапамятного прошлого или из далекого будущего, или из

современного земному иного мира; я знаю только одно, что мой мир стоит на бесконечно высшей степени культуры, чем тот, где ты меня рассматриваешь с таким невежливым любопытством.

— Однако, вы, любезный, не забывайте! Вы имеете честь говорить с...

— Господин полковник! — с испугом перебил Тице. — Как вы хотите, чтобы он понял ваше служебное положение?

— Его выучат понимать! Я нахожу, ваше превосходительство, что, как человека, его возможно отнести лишь к бродягам, не желающим открыть своего звания и происхождения. Тогда опять есть вполне определенный параграф. Но, по-моему, его следует поместить в клетку, в зоологический сад. У вас он оставаться не может. В печати и в городе идут всякие вести и слухи, смущающие общественное спокойствие. А, главное, по вашим же словам, возможна и катастрофа.

— Ах, я именно боюсь, что вы к ней приведете! — жалобно произнес тайный советник, провожая господина полковника.

Муни неподвижно смотрел им в след, все завязанный в узел. В его зеленых глазах была тоска. Может быть, он вспоминал о своих пропавших близких? Или наш мир наскучил ему?

Эти вопросы с участием задала ему фрау Амалия, лично принесшая ему вечерний кофе. Муни ответил, что о близких он не жалеет и за них не тревожится. Либо они счастливы, либо они и небытии. Но ему просто наскучило сидеть в комнате. Завтра он попробует полетать... О, совсем немного, лишь чтобы посмотреть на жизнь. Он вернется.

Такое известие привело господина Тице в полное отчаяние.

— Да я потеряю место! Что я скажу председателю? Из квартиры члена рейхсгерихта будет взмывать за облака какой-то четверорукий акробат и возвращаться обратно в окно или трубу, на радость зевакам. Да вокруг нашего дома их соберутся тысячи. Их не разгонишь и пожарной кишкой! Вон и теперь проклятый телефон не перестает в одиннадцатом часу ночи!..

Звонил директор кабаре «Зеленый Попугай», предлагая господину Тице показывать за хорошую цену его человекообразное. Тайный советник в негодовании снял трубку.

— Единственная возможность иметь минуту покоя! Но этого часто нельзя. Телефон нужен по службе. Говорю тебе, если так будет продолжаться, вокруг нашего дома будет толпа.

— Фридрих, отчего бы тебе не посоветоваться с моим братом: может быть, вы вдвоем что-нибудь скорее придумаете.

Она знала, что Тице очень уважает профессора Бартельса, и сильно надеялась, что профессор, как инженер, знающий все достижения современной техники, сумеет как-нибудь выпроводить гостя или найдет иной выход из положения. Идея эта понравилась Тице, и профессор был вызван по телефону. Надо было действовать спешно, чтобы предотвратить скандальный полет.

Но, выслушав взволнованных супругов, профессор взглянул на дело с совсем новой точки зрения.

— О чем вы думаете? Да, ведь, у вас клад в руках! — воскликнул он.

— Что же, и впрямь показывать его в «Зеленом Попугае»? — окрысился Тице.

— Нет, узнать все, что он знает, достижения пауки его мира!

— Ах, я пробовал его спрашивать. Выходит, совсем тоже, как если бы вы меня, судью, стали спрашивать о гидравлическом поршне или механизме электрического освещения. Я каждый час поворачиваю кнопку, но не имею понятия, как все это устроено. Вот и Муни такой же интеллигент...

— Очень жаль, но его приборы?

— Он их держит всегда при себе. Это какие-то черные ящички, вроде портсигара или маленькой шкатулки, разной формы. Из некоторых слышен какой-то гул, иногда мелькает искра, но что-же во всем этом разберешь?

— Ну, я пойму это лучше.

— Не даст он их.

— Он спит теперь, — тихо сказала фрау Амалия. — И если бы посмотреть...

Точно трое заговорщиков, они тихо прокрались в комнату, освещенную синим светом ночника. Глаза узла были закрыты, нос высвистывал свою обычную нежную мелодию. Вдруг фрау Амалия испустила радостное восклицание, быстро подавленное испуганным «Тсс!» «Тсс!» супруга.

В выдвинутом ящике ночного столика лежал черный кружок, очень похожий на карманные часы.

— Он вертел это, когда я принесла ему кофе, и, очевидно, забыл спрятать.

— Но, может быть, это в пределах его защитной атмосферы? — шепотом сказал Тице.

— А вот посмотрим, — ответил инженер, без церемонии протягивая руку к ящику.

— Ах, милый брат! Осторожнее.

Но кружок без малейшего затруднения перешел в руки профессора Бартельса. Он придвинул ближе ночник и стал рассматривать прибор.

— Гм... по виду металл вроде нашего железа. Ничего необыкновенного.

— Может быть, унести это в другую комнату? — сказала фрау Амалия. — Он, может проснуться.

— Если он проснется и хватится вещи, то выйдет, что мы совершили воровство, — строго ответил старый судья. А мы только хотим посмотреть и ничего больше. Это легко будет ему разъяснить в случае его пробуждения. Но он никогда не просыпается раньше утра. Ведь, его сон — полнейший, глубокий покой.

— Тогда у нас достаточно времени, — сказал профессор, вертя кружок. — Как же это открывается? Ах, вот тут какой-то шпенёк...

Он вынул перочинный ножичек и стал что-то отвертывать. Черная струя вырвалась из кружка, как из насоса, и ударила в постель. Фрау Амалия взвизгнула. Раздался оглушительный треск. Все трое остались невредимыми, как пушкари, выпалившие из пушки, но неожиданный выстрел, по-видимому, причинил серьезные повреждения: от постели остались только четыре ножки и низ свесившейся перины, точно отрезанные ножом; пух разлетелся по комнате — и уносился в огромное отверстие в стене. Муни не было: он был унесен в этом вихре. Из кухни слышались крики. Туда выбежали супруги Тице и профессор, растерянно сжимавший в руках кружок с отскочившею крышечкой. В кухне Лотта лежала на полу в луже крови, без ног, металась Мина, а в плите и стене была такая же дыра и сквозь нее видна была освещенная улица. Там происходило смятение. Пока Тице бросились на помощь искалеченной кухарке, профессор выглянул в эту дыру и увидел в 3 этаже дома напротив такое же отверстие.

Затем выяснилось, что неведомая струя пробила все на своем пути от Берлина до Штеттина. Счастье, что Тице жили не в нижнем, а в третьем этаже, и что, таким образом, направление выстрела оказалось достаточно высоко, чтобы умерить количество жертв. Пролети струя близко над землей, нельзя было бы определить их количество. Тем не менее, в одном Берлине было пробито 203 дома, при чем убито 32, искалечено 10 человек. К числу убитых отнесены и пропавшие без вести, унесенные, как все, что попадалось струе. За Берлином, по прямой линии до Штеттина, были также пробиты 72 дома, 2 колокольни и Штеттинский театр во время спектакля, так что в галереи унесено было 7 человек. Всего человеческих жертв вне Берлина насчитано 54. О материальных убытках нечего и говорить. Затем, струя снесла трубы двух готовившихся отплыть пароходов и бросила в море все, несшееся в ней: людей, мебель, кирпичи, верхушки деревьев и телеграфных столбов. Из закипевшего моря вырвался огромный столб пара и в образовавшемся водовороте исчезло все, так что потом, лишь изредка, прибывало к берегу древесные обломки и части изуродованных человеческих тел. Стоявший на вахте парохода «Океания» мичман Холле утверждает, будто видел, как из этого столба пара вылетел какой-то темный предмет и, поднявшись на значительную высоту, исчез из виду. Во всяком случае, вся эта катастрофа имела для господина Тице самые печальные последствия. В рейхсгерихт предъявлено к нему

исков на три миллиона золотых марок, и он подал прошение об отставке.

Биография

Бобрищев-Пушкин Александр Владимирович